

Михаил БОРДУНОВСКИЙ

Михаил Бордуновский родился в Челябинске в 1998 году. Главный редактор журнала поэзии «Флаги». Публиковался в журналах «Воздух», «Гвидеон», в разделе «Студия» «Новой карты русской литературы» и др. Член комитета охраны ЛЭП. Живёт в Москве.

УЛЬСГОР ОТДАЛЁННЫЙ

1. Две статуи всадников невдалеке от Ульсгора

Кто говорил другому: «ты есть»? В облаках уже созрели колосья войны, когда мы покидали Ульсгор. Покидали Ульсгор – это дело; не век же болтаться в желудке у горного храма: сколоть имена, абрикосовой ветвью прикрыть зевающий рот. Обращайся к ручью по имени-отчеству, зря пятернёй не размахивай в воздухе, в запахе полных полей, винограда смертельно отяжелевшего. Двинь мне. Ударь, я хочу очнуться от слепней, ласкающих шею мою и губы. Явись. В предместьях Ульсгора падают листья, их птицы хватают за плечи среди мокрого воздуха соприкасаясь мизинцами, лапами, грудью. Всем телом дыши, я тебя не замечу: ты ещё есть, ты повсюду, ты брат мне, ты встречен, весть обо мне тебя догоняет. Прохожий в предместьях Ульсгора нас принимает за камни – но мы движемся много быстрее ручьёв, покидая чёрный Ульсгор. В руке моей ласточка.

Есть у тебя ум, или весь ты состоишь из души? Есть лицо, или твоё лицо – это рыба? Сказать ему нечего, тёплый воск, лицо твоё не яснее случайных людей, различных в толпе. В словарной статье об Ульсгоре два-три безмятежных слова – и каждое слово, щёлкнув зубами, свивается; хлопнув дверью, уходят слова на работу в час, когда мы покидаем Ульсгор. Обнаружив исчезновение наших плащей, горожане смеются, псы собираются в церковь. Листва опадает.

2. Владетельница Ульсгора принимает гостей

Итак, они с гобеленов сходят, пекут пироги, поочерёдно дуют в трубу, но гневливые струны скрипки, лопнув, ломают лицо музыканта. Переводная картинка:

партитуры совестливых оркестров,
что, взявшись за руки, золото звука выносят, серебряный след –
всё смещено, всё немного
не на своих местах. Гребень ливня
луговую траву причесал, сбил с путей, вдоль которых
она росла. Да, покой трудоёмок. Да, сад заперт.

Между тем, фонтаны наши все в чешуе туманной,
гости наестся не могут, над ними
узел сна качается нестерпимый.
Кольца, яблоки. Сторож сада, расколотый натрое
бурным стеклом. Каждый раз, при встрече,
я имя твоё из памяти вынимаю
как из колоды карт...

3. Ульсгор собирает армию

Юноши свиты Хосрова, и
соляные божки Каспийского
моря, пузырь гладкотканой
рыбины, вздутый среди
потрохов, счета с безупречными
столбцами расходов, глубокое
дно вещей, их завязанные
глаза, и я, я – который
младше собственной тени:

всё это необходимо, и всё это будет взято.

Выбор сделан. К вечеру начинается
дождь. Молния смотрит
кино воды. А плечи твои
существуют отдельно, напоминают
дальние перистые облака. На стыке
памяти и покоя мы видим предметы
о которых люди молчат: керамику ада,
фаянс грозы, стеклянный осколок оружия;

спасибо. Это сон. Вздывается шар воздушный,
и за стенами замка, где каждая дверь обладает
именем (Альфа, Альфина, Дельта,
Регина – и Фула), собираются птицы:
прячутся под козырьком, курят, смеются,
ругаются матом. Герольды
указывают листьям, как правильно погибать.

...а мы ещё иногда замечаем в небе след реактивного самолёта,
или звезду падучую (певчую).

4. Вечером они читают газету

Кто такой министр? Он
схлопнулся внутрь сердечного приступа:
чаем, ввезённым беспоплино, пахнет теперь
на улицах; лезвием ночи поддета
крышка твоей ладони над белым
листом бумаги. А люди сами –
краткосердечны; под каждым
камнем у них монетка, в карманах –
персики. Солнце уходит за город,
в меркнувшие ручки окуная пальцы.

Ты стала другой за то время, пока я произносил твоё имя.

Вот в книгах-то имён несчетное братство,
и на картах – рек несчетное детство;
все они окружают Ульсгор, как очевидцы
смерти случайной: над телом встают, качаясь,
женщины в тёмных беретах и ослепительные солдаты.
Безмозглый гранит из-под ног утекает, кричит
газовая горелка, придворные врут королю:

это не страшно. Но всё же сегодня ещё и
с веревочной лестницы осень сорвалась, и тихий
рабочий из ямы мне головою кивнул –
будто друзья мы.

5. В город въезжают иностранные послы

Вишни, солеломни, мутнеющие сады;
упавшему с лошади, согласно традиции, раскалывают
череп; песчанощекая девочка
играет на дудочке гнева. В том и наш хлеб,
и наш герб. Посланник весь бел. А мы
в своих шляпах широких, спрятаны, как в сундуках.

Эти стихи ни на что не годны. Ими не накормить голодных.

Вещество устало, но музыка гривой машет:
так, будто айсберг твоей парадной причёски
ещё иногда заметен в толпе. Что, и ты
не предавал никого? С чужой
женой не ходил, не пил
чужого вина? Так о чем мне с тобой говорить?
O reamuria oxiana? В пленной воде пруда
загустевает материя, становится уткой;
Ульсгор Отдаленный знаком нам по сводкам погоды,
по крику «добыча! добыча!» с которым ребёнок, играя,
бросается к птицам. Это недопустимо:

твоя ладонь на моём животе – металл на металле.

И люди видят сквозь тусклые стекла:
круглый зверь ходит по кругу, треугольный –
зерно ест. Жгут листья. Двор выметен. Всюду прохлада.
Пора исчезать, но помедлим ещё минуту –
вытряхнуть камешек из твоего ботинка.

6. Я ничего не помню

Безоблачное яблоко догрызаю –
безоблачное яблоко покоя, спрашивающее:
когда? когда ты вернёшься к чтению? когда
липы осядут, падут усадьбы? когда
враги к тебе подойдут с собаками двухговыми?
Здесь ангелов бессчётно:
ангел-шуба, ангел-зеркало, аспирин-ангел –
и всё же нет у них грузовых кораблей, чтоб везти твоё сердце по миру.

Да, все мы измучались.

Да, однажды меня отец водил по Ульсгору:
выпал снег венценосный, ударила нас
полой плаща проезжавшая тень.
Мы говорили со статуями, неплохо
провели день. Очень устали. Хватит об этом.

Оседают липы, усадьбы трубят к отходу.

Словно моль мы с тобою кружились и пили
снег животами. Ведь всё уже было,
кроме зимы Ульсгора.

сентябрь 2020 г.